С. ТРЕТЬЯКОВ

ИТОГО

Digitized by the Internet Archive
in 2025 with funding from
Getty Research Institute

https://archive.org/details/itogostikhistret00tret

С. ТРЕТЬЯКОВ

СТИХИ

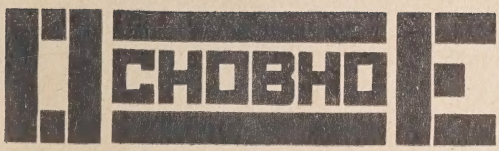
ИТОГ II

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

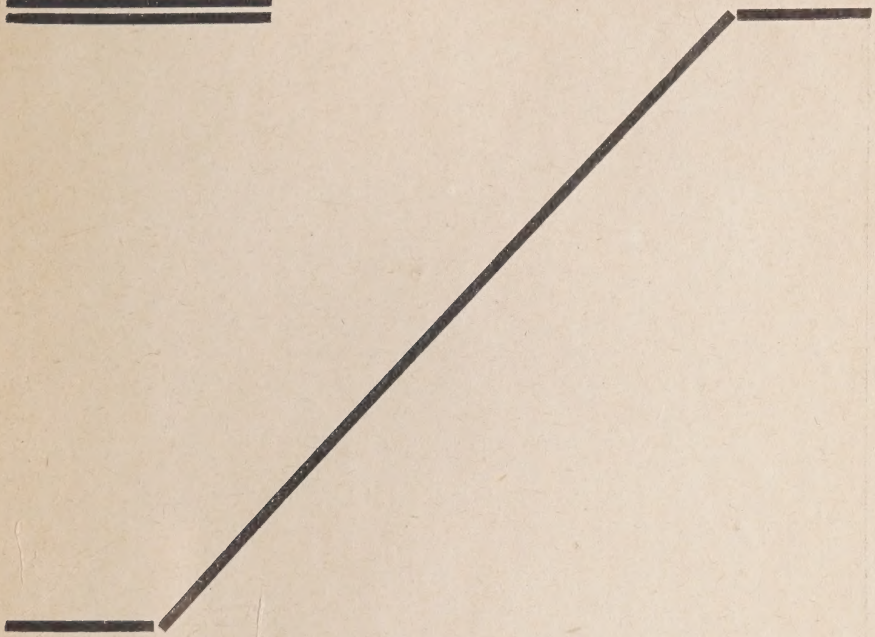
Гиз 5708 Главлит 16754

Отпечатано в 1-й Образцовой типографии, Государственного Издательства в количестве 2000 экземпляров под наблюдением М. Я. Шнейдера. Обложка и шм.-титула А. Родченко

Москва Пятницкая, 71


ОСНОВНОЕ

1-ое МАЯ.



Май! Май! Май!
Солнце, кипяти площадей майдан!
Руку, товарищ! Враг, не замай!
Каждому труднику май дан.

Рабочий—жених, деревня—невеста,
Первый май — посажёный отец.
Шагай, ребята, хватит и места,
И хлеба — поесть, и сукна — одеться.

Краше праздника наши будни —
Земле добыём воскресенье великое.
Каждый пахарь и каждый трудник
Горем кован, в железо выкован.

Эй, города: Париж, Нью-Йорк,
Лондон, Чикаго, Бомбей, Шанхай!
Банк. Храм. Трон. Торг.
В глаза им, в глаза им, май, полыхай!

Руру Москва: Держись, родной!
Рур Москве: Течет кровь.
Руру Москва: С тобой заодно!
Рур Москве: Точу клюв.

Миру Москва: Забит забой?
Мир Москве: Запал подымай!
Миру Москва: Май с тобой!
Мир Москве: Слышу. Май.

Слушайте, банков и бирж катакомбы!
Ощеря зубы — шипит вражье:
«Эх — удалось убить пятаком бы,
Коль на фронтах не берет ружье!»

Тише там! Нишкни пока что!
Жри, покуда не пошел на дно.
Первое Мая — сигнальная мачта —
Рабочим мира быть заодно.

Маегулы октябрем прокраснели.
Наших рук нажим непочат.
Погоди. Расшвыряем по панели
Нэпачей. Нэпачих. Нэпачат.

Москва на дыбы! Мировое сердце!
И в доках Сиднея—пульс Кремля.
Ряды сомкнуть! У Эресефесерца
Родина одна — рабочая земля.

Дорога Коммуне! Эй, молодняк!
Плечо подставляй землю поднять.
Тому, кто старьем обвял,
Обмяк —
Устрой ему обвал,
Рабфак,
Неси похоронный звон
На запас
Дон —
басс,
Дон —
басс.

Однотрубные,
Двухтрубные,
Трехтрубные,
Четырехтрубные
Дредноуты наших фабрик

Дымят городами
Ресефесер.

Миру маем пора пропеть:
√РКП
На —
Вперед! в упор глаза!
плюс
Жми, и ни шагу назад!
плюс
Электрификация, смык, тренаж.
плюс
Мы хотим, чтоб мир стал наш.
минус
Лень
минус
Хнык
минус
Брех
минус
Дрянь —
Это — путь
Октября.

МАРШ-ПЛАКАТ.

Каждая хата!
Каждый завод!
Глаза на запад!
Кулак на взвод!
В молоте-серпе
Огни скользят.
Больше терпеть
Рабочим нельзя.
Европе впротемь
Звенит в ушах
Рабочих сотен
Тяжелый шаг.
Заводы наши
Ревут, пыхтя, —
Товарищ-немец!
Даешь Октябрь!
Довольно виться
В тугих когтях.

Эгей, берлинцы!
Даешь Октябрь!
В баварский карцер
Итти ль кряхтя?
Эгей, баварцы!
Даешь Октябрь!
Сегодня солнце
У нас в гостях.
Эгей, саксонцы!
Даешь Октябрь!
Вставай в железе
Лицо коптя.
Эгей, Силезия!
Даешь Октябрь!
Быть нашей буре
На всех путях.
Эгей на Руре!
Даешь Октябрь!
Пора: виднеется
Простор уже.
Красноармейцы
Настороже.
К стене банкиров!
Долой растяп!
Рабочий мира,
Даешь Октябрь!

ЖИВЫМ.

Товарищ!
Прошу.
Слышишь!
Обещай!
Если когда-нибудь, после смерти,
Нам, футуристам, в драке измолотым,
Ассигнуют по смете
Столько то золотом;
Глыбы собьют, на глыбы
Нас становить чугунных,
Нам говорить — «спасибо!»
Со всхлипом на многоточиях,
И прочая и прочая
О гегемонии гегегениев...
Товарищ!

Орни глоткой рабочей:
— Говорите короче!!
И ближнею ж ночью...
Клянись:
Комсомольским билетом,
Красенью губ,
Кепкой,
Заводским гудком
И рукопожимом товарища —
Клянись
Ночью вложить динамитный патрон
Под каменный трон
Чугун — футуристов.
И с той, кто целует тебя,
Протанцуй
У столба гегегения.
Швырь **о-го-го, ха-ха-ха** во взрыв,
Пока летят каменья
Вдребезги и навзрыд.
Товарищ!
Юнач!
Обещай!
Если нашей строкой
Будут бить как портновским аршином:
— Учись! учись, такой-сякой!
Куда прешь?
Не сметь перечить великим теням.
Не позволим! Врешь!
Товарищ!
Клянись
Бровями сведенными в-чтооо?
Боевым кулаком.
Выстрелом сердца.
Профсоюзом,
Винтовкой
И пятиконечной звездой.
Клянись!
Нашей же книгой
По черепу бить, бить, бить
До пробива
До мездры мозгов
Начетчика.
Чтоб собственный выгиб
Был жив и остер,
Вали наши книги
В костер!
Обещаешь?

Р. К. С. М.

От отцов мы узнали —
Не взорвав — не пройдешь.
За нами! За нами!
Всей земли молодежь.
Отцам грянем:
— Готовы. Идем.
Старье таранить
Октябрьским путем.
Одинаковы речи
Станка и деревни.
Мы все — Октябревичи.
Мы все — Октябревны.
Комсомол. Береги
Государство рабочих.
Эй, враги!
Руки прочь!
Нас не трожь!
Сердца—динамит. Слышишь: бурлят они.
Четок приказ по советской орлятне.
Всем! Всем! Всем!
Ряды Крепче Смыкай Молодежь.
Р. К. С. М.

РЫД МАТЕРНЫЙ.

Эш ты, детина неструганная!
Где твоя харя сворочена?
Али бревнул потолочину,
Душа твоя недоруганная?

По опивкам что ли кабацким
Лазил губами бряклыми?
Где тряс затылком дурацким?
Где елозил зенками наглыми,
Тусклыми, брюзглыми
Да пальцам корузлыми?

Багра на тя нету!
От какого пня родила тя,
Лесная валежина?
Ну, тя к лешему!
А зад-то — в цветной заплате?
А перед, в крови что ль, отпетый,
Уплеванный да заезжанный?

Мало лозиной выдран!
Знать рыком тебя гвоздило, щенок!
Ишь ты, ладонь, как выдра,
Пятаками нищими вылощена.

Не я ли скулы обвыла,
Просолила щеки скореженные?
Не я ли тряслась, что кобыла
Разлукою состреноженная?

Садись! Али лопнуло ухо?
Садись, головешка дурья!
Лопай! — Видишь — краюха!
Лакай! — вон тюря!

Что видел? Сказывай!

— Бога видел.

— С ума что ль спятил?

— Бога видел.

— Толкуй дятел!

— Видел бога.

— Не бог ли тебя и обидел,
Что стал ты баской да казовый?

— Видел бога.

— Спьяна приснилось!
А где видал?

— А где попало: в корчме, у боен,
На паровозах и на базаре.
— Скажи на милость!?
Каков собой он?
Небось на брюхе валялись, смерды!
Такой явился немытой харе
Сам милосердый?..

— Матка! Слушай!

Бог гудёт
Мужицкою погудкой.
Бог идет
Мужицкою походкой.
Землю рвет
Мужичьим сошником,
Бог бьет
Мужицким кулаком.
Бог это — взглянешь — пьяное рыло.
Бог это — щупнешь — мозоль-короста.
Ремень завыл — это бог-воротила.
Пляс — это бог наработался досыта.

— Чур, окаянный!
Крестная сила!
Сгинь! Брешешь! Пьяный!..

— Я землю видел.
Она, что бомба,
Гляди — взорвется.
Фитиль — в Москве.

— Очнись, паскуда!
Земля, что блюдо.
В кувшине квас,
Хлебни покуда
На добрый час.

— Матка, людей глядел я:
Оголтелые,
Голодалые,
Грязнотелые.

Подковами таково-то ковко тявкают.
У каждого в глазе — неба кусок.
У каждого в сердце — березный сок.
Топоры-то по-рòдному рявкают.
А песни песнятся — весенняя вода,
Людина, что льдина — больш-а-а-а-я.
Села суматошат, пучат города,
Давят мироедов, бьют попрошаек.
А куда идут?
И о чем поют?
Невдомек мне.
Только сердце — вскипи и ёкни:

Братаны, куда?
Аль тесно в наделе?
Тайгой загудели:
— Туда! За года!
На вольные станы!
За море! За горы!
За гай!
— Я с вами, братаны!
— Шагай!

— Несешь, блажной, околесину!
Язычина с прикола сбился!
Сволочи ветром нанесено—
С охальниками сблудился?
Нишкни! От такого блуду
Прощения нет! Замаливай!
Слышишь, велю!
Мать — я.
Ишь разалелся мальвой,
Шатия.

— Матка, молиться не буду!
— Будь же ты проклят! Сама замолю...
За хулу
Прости, милосердный, сына.
Сына прости,
Премудрый!
Не попусти!
Знаю, сын мой — псина...
Кровь моя! Кровь моя!
Мальчонка был бедокурый,
Трепокудрый,
Малый,
Пищал у грудѝ, молока просил,
Головенку от вшей притыкал скрести...

Господи сил,
Прости!
Кровь моя! Кровь моя!
Земля, сударыня, милуй!
Сама, небось, мать.
Муравой муравленная,
Древами древними,
Городами-деревнями
В ризы резные оправленная.
Воду водишь.
Грязи грузишь.
Рожь рожаешь.
Вьюгами вьючишь
Озими зимами.
Гробу — бугор.
Глотке — глоток.
Голоду — хлеб.
Милуй, земля, не серчай!
Мне ли свечой не торчать.
Обсим — тебе, да богу?
Кровь моя! Кровь моя!

— Матка! Сбирай в дорогу!!
Чего глаза намокли-то?
— Проклят! Проклят! Проклят!
— Матка! Целуй что ли!
Теперь не вернусь ужо.
Матка, а ноне на воле
Людно, поди, и свежо.
Ну, сторонись, будя!
Нацеловалась чай!
Слышишь, шагают люди!
Матка, прощай!

— Кровь моя! Родненький! Кровушка!
Сынушка! Сынка — ах!

. . . . . .

Бог гудёт
Мужицкою погудкой.
Бог идет
Мужицкою походкой.
Землю рвет
Нашим сошником.
Бог бьет
Мужицким кулаком.

ВОСКРЕСНИК.

Гулом наливается полдня яблоко.
Спесивое солнце — желтый царь.
Панель-гулёна старухой издрябла.
Где ей асфальтом, стерве, мерцать?

Панелью разве что пуле цель —
Картофельные сердца.
Улице ждать ли, улице ль,
Изнемогая в торцах?

Панели ль кичиться вывесками,
Буквы-торговки в восстанье таща?
За углом уже, слушай, выляскано.
Не такое, пожди, настанет еще.

Улица! Хворушка! Вылечу:
Только бы голос нутра достиг.
Репликой зычной вылечу
На визгоплане радости.

Загудело... Мерцнуло... Вот они —
Восьмигрудая грудь толпы.
Работник. Работник. Работник.
И топоты стоп тупы.

Новые ль вихрят песни?
Новою ль флажью богаты?
Это идет воскресник
Наплечь мотыгой рогатый.

Не на раззор и драку
Руки жмут рукоять.
Тычется сердце сразмаху
Мышцы на ситце ваять.

Были, да вытрухли, рыцари —
Мечари-щитоносцы, Петры-Цари,
И оцеплены в ценные панцыри
Цепенеют венцами Иван-Цари.

А теперь — Плугари,
Копачи,
Строгали,
Чья щека — загори,
Чьи сердца — стукачи,
Чьи глаза — слухачи
Чернотелой земли
Государящей.
Под пяты долотом
На пути золотом.
Здорово, товарищи!..

К чорту с дороги! Сами постигли.
Семени смелых — семь ноября.
Ржавое сердце в белые тигли,
Врубами синь топора серебря.

«Водки, хозяин!»—подвалы, вопите!
«Деньги, хозяин!»—берлога, рычи!
Песни шагальной жгейно испити,
Солнце ж поставит могарычи.

Имя! Имя! — Имени нет.
С кем расчет? На кого табель?
И некому ссыпать вечерних монет
Под четкий росчерк страдничьих сабель.

Молод молотков юношеский спор.
Зернами работы ломятся овины.
Топор затупился? Отточи топор
О вращенье земной шаровины.

Ветра радиоста..ия,
Разноси материкам — работу рòбят.
Радуюсь танцу я
Рук быстропалых в земной утробе.

Лениво осклизлым глазам кнуты!
Молотки по гвоздям—чернозем куют,
А рты смежены и замкнуты,
И ёкает селезенкою.

Сердце?
Здесь?
Нет!
Сердце — куда ушли.
Сердце толкается с ними,
На пунцовом горбу выгребая кули.
Солнце?
Там?
Нет!
Солнце, напялив картуз,
Плавит и шлюзит шлаки
В заросли синих блуз.
Слово?
В песне?
Нет!
Слово ушло из книжек.
Табельщик — в суетне
Цифры на цифры нижет.

Глянь!

Ввысь кирпичные сонаты,
В которых ладно жить.
Кому? Неважно! На, ты!
Входи в этажи!

Стальная новелла с вокзала
Уперлась в пары, чтоб рвануть.
Железу рука приказала,
И строф шатуна не задуть.

Ковровая роспись хлеба.
И песен полны лохани.
И вот уже нету неба,
А только тонны дыхания.

И сходит сладкая усталь,
Как в голос впадает поэт.
И счеты суставного хруста
Точней стукоты кастаньет.

И не от чего умереть
Ни солнцу, ни вещи, не песне.
Что будни? В скелеты калечь их
Отныне и впредь
Зажатый в руке человечьей
Воскресник!

МОЛОДЕЖИ.

Сегодня московским улицам
Стало звончей стекла.
Видели? — песен пульсом
Революции кровь протекла.
К стенке панель отплющив,
Мимо церковных моргалок
Топали толпы поющих
Алых и старых и малых.
На очередном смотру
Это — шагает труд.
Это — в железных когтях
Землю несет Октябрь.
Было — ревели ядра,
Армий щетинился ёж.
Был до созвездий задран
Крик ножовой — даешь!
Это — подвалы выли,
Это — нутро предместий
В красном екало мыле
Злобы, яри, мести.
Лезет в шинелку слякоть,
Мерзнет в драных локтях.
Тысячи в слякоть слягут,
Миллионы шагнут за Октябрь.
Слушайте — чваки подошв
Всех поцелуев слаще.
Эка звенит молодежь
Песен гульбинный смазчик.
Эй ты, копченый шагаль!
Звякай людским ожерельем.
Глянь-ка, октябрьская мга
Выстрелила апрелем.
Чешут подошвы гранит
Фронт работеев надежен.
В воздухе песней звенит
Зоркий резерв молодежи.
Двинулись, даль сверля,
Младшие в помощь старшим.
Слушай, двуногая тля,
Грохот октябрьского марша.

Лезь, человечья слизь,
В сытые теплые дыры!
Эй, молодежь, вались
На Красную Площадь Мира!
Это — на пятом смотру
Упрямо шагает труд.
Это — в железных когтях
Землю несет Октябрь.

БОЕЦ.

Звездной раскаленной пятерне
С неба на суконный шлем бойца.
Глаз?! — разве солнце верней,
Цепче и жарче мерцает.
Шагом своим тяжелым,
Дорогу меся сапогами,
Всеми ветрами шел он,
Всеми окачен реками.
Статно стоят посты
Там, где мосты разобраны.
Сердцу бойцов не остыть
Бить барабаном в ребра.
Длинны еще дороги.
К атакам гнев готовьте.
Шипи стакан тревоги,
И щелкай зуб винтовки.
Пока впивается медленно
В сердце людское клин,
Надо стоять, как велено,
На часах у земли.
Что небо с его голубятней звезд?!
Нам небо — сукно закорузлых шинелей.
Созвездие армии держит пост
У сопок, пустынь, городов, ущелий.
Помни, боец, всегда —
Детеныш станка и плуга,
Черною грудью труда
Вскормленный в пламенный уголь, —
Под галдёж именин мелюзги,
Чтоб сердце не стало отходчиво,
Под шинелью бойца береги
Задымленную блузу рабочего.

ВОССТАНИЕ УТР.

Намутила пучина ладана
Волноверткою мокрой пляскою.
Окаянной ночи неладно —
Всеми звездами зирко ляскает.

Где ни ребра раздвинут ножом—
Утучняется ночи хворость.
Ослабела, легла крыжом,
Пузом давит и ломит хворост,
Чует,
Как в ушах тишина ночует.

Стены сахаром стаяли
В темьтиши, в тишьтемени.
Почивальные храпы стаями
Бьют крылом земляному темени.

Поползли повозки кроватей
Конокрадов ночных вороватей,
И плывут темнотой колыбели
В черных елей ночной корабели.

Молится ночь-воровка,
Мозоли набив на лбу,
Чтоб ветер рванул веревку
С кольцом, просоченным в губу.

Завалило теменью просеки.
Реки сдохли, плеснув на берегу,
И встают по кожам волосики...
— Угу-гу-уу... угугуу...

Это тьмы заревели,
Посинев от натуги,
И легко зоревели
Неба пласт отвалившие плуги.

Недовыплакала ночь слезин,
Недовысидела
В гущине бузин...
Дивны в выси дела:
Из-за бугра мо́рского
Лезет,
А рыж как?

От него и вода — апельсин.
Будет матери крышка.
Лезет
Заяренный материн сын.

Замахнул кулак в водопляснину.
Зажужжал мировой кубарь.
На костер! На топор! На балясину,
Оголтелое солнце, жарь!

ПЕРВОМАЙСКАЯ ПЕСНЯ.

Трубы заводов, гряньте
Маршем на нашем пути!
С солнцем на красном банте
Молодо нам итти.

Товарищи, стройся в колонны!
По сердцу равняйте шаг!

Сегодня над маем зеленым
Алейся, рабочий флаг!

На первый май из края в край,
Труда солдат, ряды смыкай!
Знамена вей! Сердца взломай!
Рабочий май!

Сегодня машинам не топать.
Пускай отдохнут станки.
Отрем трудовую копоть
Ладонью железной руки.

Настежь глаза раскроем,
И песни наших рядов
Забьют океанским прибоем
В улицы всех городов.

На первый май из края в край,
Труда солдат, ряды смыкай!
Знамена вей! Сердца взломай!
Рабочий май!

Каждой угрозе вражьей
Крикнем: Смотри! Не тронь!
Товарищ! Крепись на страже!
Жги, мятежей огонь!

Земля—наша вольная площадь.
Мы — королей короли.
В небе над нами полощут
Красных знамен патрули.

На первый май из края в край,
Труда солдат, ряды смыкай!
Знамена вей! Сердца взломай!
Рабочий май!

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ.

На привязи держи
Сердце-то — сердце:
Собака бешеная,
Сорвется — искусает.
Рукам велит

Не работу наматывать,
Обнимать велит
Туго — натуго — натуго.
Губам велит
Не приказа оскал,
Велит шевелить
Поцелуев ласкаль.
Глазам велит
Не в книгу, не в почерк,
А тянуть и валить,
Полыхать и пророчить.
Сердце держи —
Пса на цепи,
Чтобы служил,
Загоняй в тупик.
Чтоб оно—ни-ни.
Плеть наготове.
Тяни, чорт, нить
Крепкой крови.
Раз ты насос —
Качай! Качай!
Крути колесо
Кровяного стукача.
Контроль! Расчет!
А то костяшки
Сорвутся со счет
И во все тяжкие
Под кожей щек
Зазвенит, потечет,
Еще и еще,
Еще и еще...
Тогда, рыча и рявкая,
Рванет гортань;
И пороховая затравка
Разломит зажимы рта.
И хлынет горячая хлыва,
Где руки, губы, слова...
И в купорос крапивы
Закатится голова...
Эй, голова, стой патрулем!
Руки на руль, лоб — контролер.
Сердце на цепь!
Пускай погасает!
Сердце — собака:
Сорвется — искусает.

ОКТЯБРЕВИЧАМ.

Барчонок под нянюшкой боженьке молится.
Барчук! Под подол! Идут комсомольцы!
Пробку в ноздрю—любителям плакаться,
Сопливым афоням не место в рабфаковцах.
Волос короток, труд-день долог
У красных шапчонок-комсомолок.
Веселых атак молодые зачатки—
Плодятся заводами фабзайчатки.
Лозунги дня—
Хватай, Молодняк!
Не в окопах гражданской войны,
Не в топоте конных погонь—
Новым ударом двойным, тройным
Режет и жжет комсомольский огонь.
Воблой наперла погань?
Знаю.
Тестом обсела тюря?
Вижу.
Что же? Не хватит зною
Выплавить буднюю стужу?
Держи уговор, как коней—кучера,
Строить Завтра, помнить Вчера.
Саднит штычий укол.
Плюха войны не забыта.
Ребята, сажайте кол
В лопатки старого быта.
Пускай на нас
Бык — быт
Туг — тупь
Глыб — глупь
Старчий кряк
Свиний хрюк
Трусий крик
Жулий трюк,
А мы ему—
брось!
А мы ему—
брысь!
А мы его враз,
Нацелив глаз,
Мордой в грязь—
Хрясь!

Накость гони в три-шеи!
Прет из подпольных дыр!
Просекайте войны траншеи
Кубатурою всех квартир.
Что Гомер? Наш Гомер — газета.
Слаще опер — приказ по линии.
Тюрлюрлюканье мандолинье,
Юбилейный почет
Заменяй — всеучет,
Болтовню — репортаж,
С этажа на этаж
День по стрелке течет.
Это—трен
Это — класс
Это — стаж.
От науки—сидеть в клозетах,
До науки—взнуздать водопады
И отдать заводам вольтаж.
Волчат знаю. Волчатам верю.
Даром что ли глаза засвечены?
Стань поперек—обернутся зверем
Клыком в'едятся в жир человечины.
Товарища тронь—будешь не рад.
Путь перейди—Перекоп тебе в лоб!
Крепко идет волчий парад,
Лапы макая в желчь злоб.
Пускай походные трубы
Ревут, что на нас идут—
Волчата ощерят зубы.
Волчата не предадут.
Шеренгами локоть об локоть.
Озорные глаза горят,—
Пропилить пропеллером облако,
Крейсерами вспороть моря.
Над жирами зарвавшейся дряни
Гром германский гремит, что пора
Блядовой ресторан растаранить,
По пивным поломать штопора.
Бой жесток,
Но слезы не уроните,
Не подымете дула к виску.
В мастерской,
На рабфаке,
На фронте—
Каждый день,
Комсомол, атакуй!

СИБГОРОД.

Город нарастал тесовой мозолью
На подошве земли, промерзлой внутрь.
Город городил: Захочу — позволю,
А поля на то лебезили:—Сударь!

Рекой кушаковой округ вей!
Голоса пристаней по ней выращены.
А праздником—фартук хоругвей
На подол меловой монастырщины.

Жили, стоя обеими лапами
На семи пирогах, печах и сытости,
Прорастали детьми, в крестинный запах
Зычным диаконом многолетия вытостив.

Оттата!

Пришли гулевые года.
Да-да!
В кулаке поножовщика купца борода.
Ввалился подвал, задрав подол.
Грязные опорки — на хозяйский стол.
Писк — хлип жирная еда.
Да!
В комнатах тощих—морозы-холода.
В зданиях казенных бушует слобода.
Ужели навсегда?
Не трижды ли
Молебны служили?
Ждали, жили,
Не выждали...
Кондовы, исконны, старинны господа
Полопались, потаяли;
Еще до первомая ли
Их кости спорошились, и их снесла вода!
Да-да!

Города душе-запевале близки.
От скул исхудалых пружиной веется.
Города проросли красные обелиски
Над клумбами памяти красноармейца.

Кулаки трибун опустились на площади.
И вместо хлебных сибирских закатов
На стенах, на столбах, на глазах полощут
Визгливые плески и пляски плакатов.

В деревенской поскони колесо, вдев
Винтовочье дуло тугою осью,
Пришел хозяин — чуженин Совдеп,
Пятерню засучив на колтунные волосья,
На рыхлый парной старожилий хлеб
Глаза в молитву сложились:
Куда торопиться?
Где там? Кулак жилист,
Не даст и слезой напиться—
Хрясь!
А там по нюням размазывай грязь...
На суконных шишаках пятирогая звезда.
Окрик зычен: — Подбери пузо!
Бугаи в стальных попонах—броневые поезда
Проплывают, выворачивая шлюзы.
Голодает молодая
Просияль страны-мятежницы.
Декабрями холодая,
И на плахе сердце нежнится.
Голыми руками
Брала кипяток восстания,
И вот над реками
Ни одного моста у нее.
По бережно сложенным бревнам
Паровозы чахоточные надрывают пары.
Революции рев нам —
Это песня больной сестры.
Революции боли
Не простятся вовек никому,
И каждую шею мозолит
Революции тяжкий хомут.
И даже на коже березовой,
На белых чулках дерев,
Написанный огненно-розовый
Страны замуравленной рев:
«Тысячеверстый каторжник,
Череп вскрывая о склеп,
Спекаю себя для завтрашних
В ласку и хлеб!»
В пригоршнях своих пронеси их,
Слова эти, как на блюде:
Можно все забыть, но России
Никогда не забудут люди,
Пока о хлебе мерцать
Не разучатся их сердца.

МАЁВКА.

Не календарь в пунцовую табель —
В лень воскресений плоско прокрасить.
Этому дню в прокопченом штабе
Велено выйти в красной кирасе.
Этому дню — боевая задача:
Песни в атаку вести городами.
Толпы прольются, взгляды проскачут,
Выплеснув пламенем знойное знамя.

Умой земли, май,
Натяни телеграфные нервы,
Да басят паровозы жилами рельс.
Землю крути, взгоняй,
Май первый,
В новый и дюжий рейс.

Апрель миновалый—вали за фортку!
Пасху-куличницу-жваху—за борт!
Маю дорога—резко и коротко
Вычекань солнцем протянутый рапорт.
Из лет, где нудит маета,
К вёснам на вёслах маев.
Кладью — этап на этап,
Топотом тропы замаяв.
Годы вагонами поезда
Сцепить, чтоб было в ушах,
Чтоб каждый гремучей трубою стал,
Чтоб всем — гимнастический шаг.

Тужа народов мышцы,
Май мировым горнистом
Влез на земной маяк.
В мае грудастей дышится,
В мае глаза огнисты,
Маю — песня моя.

ФРОНТ.

Окопы. Атаки.
Атаки. Окопы.
Вьюжные тропы.
Топот.
И красные шлаки
Плавят снег.

Кричащей от ран человечине,
Об'еденной вшой человечине,
Запытанной человечине,
В имя далеких — Слава!
Приказывать —
Изувеченных
Право.
Товарищи! Фронт везде!
Митинг. Завод. Тайга.
Последний раздел
Шара земного,
Выхват земли у врага.
Эй! Кто жив,
Точи ножи!
Мертвые встали,
Лезут войной.
Жало из стали
Дыбь над спиной.

Думаешь — враг штыком шелестит,
Лязгнув курком в лицо?
Это же щелкают челюсти
Прущих на нас мертвецов.
Тухлых костей гримаса
На оружейном железе.
Гнилое могилье мясо

Лезет.
Рыбой со всех сторон
Земного шара наваливаются,
Зубастой улыбкой корон
Оскаливаются.
Ближе и ближе вой
Неистовых стай.
Слушай! Кто живой!
Встань!
И так от фронта до фронта:
Митинг. Тайга. Завод.
Круглый окоп горизонта.
Жизнь залегла — живет.
Долго ли биться? Долго ли
Харкая раной в снега.
За спиной — голодная Волга.
Впереди — человечья льга.

Опять согнал
Сигнал
Сторожевой
Зовет
Завод
Люд живой.
Вражий вой
Лют.
Снова поход пахать,
Снова нуду человечью,
Натиска вздув меха,
Жечь раз'яренной печью.
Копоть — румян нежней.
Драгоценны перстни мозолей.
Живых подымать на рожне
Не позволим.
Голос — сокол — медь:
Руки долой! Не сметь!
И льет горизонт, как с блюдца,
Кровь и пески вихорем свертывая,
И крови и песни льются,
И льются люди, как песни.
Товарищи!
Фронт революции —
Это фронт живых
Против мертвого.

НАША ЗЕМЛЯ.

Народ с землею-кормилкой
Сургучем
Кровеносным
Припечатал союзный договор.
Винтовка натерла плечо.
По соснам
Папахи снегов на древесных затылках.
Урчит партизанье логово.
Разбужен в стволах человечий гуд.
Стерегут.
Они —
Не одни.
Их много.
За ними, гляди, какая подмога:

Нужно —
И двинет пурга
На выручку конницей вьюжной
В ошметки копытить врага.
Нужно — и ветер
Станет разведкой,
До ушей наставленных все
Донесет.
Надо — дерево хваткой веткой
Звизданет по зенкам бегучих,
Костлявую руку сучьев
Ощерит —
И в череп.
Уши освищут
Свисты — ножи.
Ноги чужих —
В зубатый капкан корневищ.

Мясо — зверью,
Не доищешься...
Шагай вражье.
Земля не предаст.
Вскинем ружье —
Клюква прошьет
Скатертный наст.
Слушай, враг.
Лед нам брат:
На лед не ступи —
Лопнет окном,
Страшен тупик —
Мертвое дно.
Приготовит река
Водяную клеть —
За обиду мужика
Под корягами тлеть.
Не замай! Смотри, не замай!
За нас земля и зима.
Земля замороженная
Зазвенит за друга.
Кобыла расстреноженная
Неглядь — вьюга
Помнит о брате,
Прянет на гадину,
Морозной рогатиной
Глотку прохватит...

Зорок
Мужик:
В морок
Пущей сосновою
Землю сторожит
Родную, новую.
Востро глядит во тьму
Штык наготове.
Накрепко верит — вольная голь.
Даром что ль
Сопки да сосны ему
Братья и сестры по крови?
Хватко винтовку держит рукой.
Взгляд—фабричных валов тяжелее.
Знаю: такой —
Одолеет.

4—5 АПРЕЛЯ 1920 г.

Смотрю веселые лица чужих.
Россия—до дна мне одна родна ты!
Я спокоен. Я видел зрачков ножи
И ощупал сердец разрывные гранаты.

— —

Гвоздили, ребра домов чеша;
Думали—гочкис чавкает стекла,
А это только моя душа
В ливне стрельбы кровотечью намокла.

В помоях тумана мгла помогла
Гильопулетиномет обратить в мясорубку,
И каждая пуля щипком рвала
Из сердца цветы и все, что хрупко.

А утром мясо раненых стен
Рычало, как рупор плаката — О т ч а я н ь е с!
А на крупе толпы гарцовало молчание,
Толпу зажав железом колен.

Я читал в забровленном улиц шелесте,
Как тяжко весна умеет кровавиться,
И что есть названья, зажатые в челюсти,
Пред которыми — ландыш — слово «мерзавец».

Глядите! Разве же флаги величатся,
Утыкав булавками город вдовий?
Раскройте ж глаза—это яичница
С огромным желтком человеческой крови.

Слушайте—разве пуль аршины
Цедят пулеметы в кровавую строчку?
Это шьют на смертельных швейных машинах
Утробной Японии красную сорочку.

Пусть братьев уводят в расщелины улиц:
Путь—прям. Шаг—горд.
Броненосцами пусть караулится
Рев машин оборвавший порт.

Обезоруженные неопорочены—
В полях позванивает сталь мотыг.
Пришедшие сюда!
Я спокоен,
Когда молчанье звончей пощечины,
А взгляд—штык.
Да!

Владивосток.

МЯТЕЖ.

Навьючился страхами час наш,
А сердце — копилка вопросов оно.
Смотри же, мой кроткий Ясныш,—
Спокойствие исполосовано:
Всеми гладкими лицами
Залазили морщины мокрицами.
И у самых ясно-глупых
Дрожкая изморозь в тулупах.
Озираются. На гривенник каются.
Ставят свечи по фунту.
Виновато улыбаются:
«Не надо бунту...»
. . . . . .
Уж хвосты у собак—фитили,
И зуб на зуб гвоздит дробь иголочью.
Ой, придет мятеж из земли
Мостить мостовые сволочью.
Придет, не поленится,
Кирпичнет и умных, и глупых.
Ляжет поленница
Осклабленных трупов,
Зарукомашут сослепу,
Натыкаясь на пули глоткой,
Хлюпая кровью собственной,
Зайцем визжа под каждой загородкой.
Ногами запутаются в ужасе
Над пунцовой харей лужицы.
А когда замостят переулки котелками,
Черепки черепов расплюют, как подсолнух,
Мятеж—слепой опустит камень
И почешет мускулы, что кровью солоны.
А те жабы
Сквозь пиво припадка будут пищать:

Еще мятежа бы,
Мало, чать!..
Но нечего будет стрелять и резать,
И грянет земля, точно харкнет: прочь вы!
И станет рудой рассыпчатой железо,
И станут мятежники жиром почвы.
Хвосты у собак повиснут,
И вылетит вой голубем;
Только, домами стиснут,
Будем воздух покоем голоден.
. . . . . .
Но, чтоб дрогнули неба глаза,
Надо, чтоб вдоль
Заквашенных трупами улиц
И рухнувшей рухляди комнат,
Сквозь усопшую боль—
Аршинный король—
Прошел последний ребенок,
Которому красную жижу
Забавно отшлепать ладошкой,
Век колупнуть застежку
И сопя шептануть—вижу.
На корточки сесть
И—палкой по гниловатым лицам.
Пальцы топыря, дивиться,
Что дядей лежачих не счесть.
И снова брести, ковыляя,
Потому, что дребезги стекол...
. . . . . .
Иди, мясцо несмышленое,
С голубыми до-нельзя зрачками.
Все, что на земле зеленое,
Все, что в небе пошло облачками,
Все, что в воде отмигнулось полудню,
Целует тебя губами длинными,
Что уши ослиные,
Аль крыла ангелят...
Улыбайка—губошлепик,
Карапузик—земли хозяин!
Иди от поляр до тропик,
Маленький Каин,
Которому нет еще Авеля.
Агу!
А падали человечьей отравы
Слопают жирные бурно-зеленые травы.
Иди! Я—поэт. Я тебе помогу.
Агу!

КОЧЕГАР.

Дым закручивал синий крендель.
На железе был масляный пот.
Блестким ломом похрустывал тендер,
Одетый в антрацитовый капот.
Была железная пауза.
Колокол орал, как петух.
Задышали тормоза вестингауза,
И над свистком появился пух.
Я прислушивался к колесным дрязгам.
Всвистывался поршень в цилиндр.
Я напился сверкательным лязгом,
Потому что стал ветер, как винт.
Над мостами крыльями хлопать.
В прорезь кручи всаживать свист.
Я намазал ржавую копоть
Рыжим шарфом на синий лист.
А за мной хохотали цистерны,
Располаскивая нефть в животах.
Догоняйте!.. Черные нервы...
Струны рельс... Торопи!.. Тах-тах-тах...

И дальше.
И дольше.

В котлах раздавил атмосферы
В лепешку.
Манометрный палец грозит.
Антрацит
В пламенеющий рот.
Воркотня. К рычагу!
Что сказать, если зубы враздробь,
Если к буферу буфер прилип.
В дали! В дали! В дали!
Спеться с пеньем спиц.

Хруст. Толчь. Толчея. Я в ячейке железной
Корчу рожу, будя кочергой
Улей сочных углей.
Только каплет из дырочек масло.
Только каплют из глаз огоньки.

Резать даль, резать ширь, резать высь,
Тихо гладя копченой рукой
Жирный никкель кранов и ручек.
Сторонись!
Жирный чмых металлических тел.
Кто пролетел?

Фу, как жарко. Фу, Фу!
Семафор опускает железную руку.
Под навес прочихай, просвистав молодецки.

Скрежетать.
Не дышать.
Останавливать, дрогнув железным оркестром

Литавр—буферов,
Барабанов—колес,
Валторны—гудка,
Первых скрипок—рессор,
Флейты—поршней.

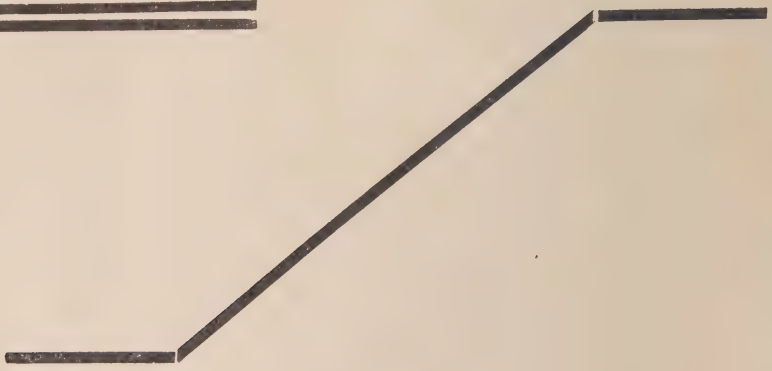
Траэктория звуков круче, короче.
Я в корчах рычу,
Проколовши зубами коричневость губ.

Ближе я... ближе вы...
Тише звон... Тоньше звяк...

Что-то тает в ушах
И полощет в душе
Кочегара.

ТРАУРНЫЙ МАРШ.

Памяти Воровского.



Товарищ убит.
Товарища нет.
Туже ряды, тверже шаг.
Последний рейс к Кремлевской стене,
Боем сердец
Горе глуша.
Выстрел на выстрел,
Удар на удар!
Выстоим.
Выстроим
Мол труда.
Виден Мир с Кремлевских башен.
Нам дано захотеть
И сметь.
Клятва!
Клятва!
Будет страшен
Наш ответ на эту
Смерть.
Выстрел на выстрел,
Удар на удар!
Выстоим.
Выстроим
Мол труда.

НОЧЬ. ПЕКИН.

Зеленозвездое тысячеточье.
В иероглифах мифа бархат.
Драконью кожу распяли ночью
Над мыком города-монарха.
Зубами стен назои скрипок,
Жуя, перегрызают жилы.
Из язв харчевен тучный выпах
Гангреной пищи обложил.
И апельсины фонарей
Чудовно зреют у дверей.
Посевы звезд взойти мерещатся.
Оцепенело неба в стуже лицо.
По древесине века резчица
Грызет и грезит полночь-жужелица.
Гвоздей звездящих, сыпких бус ли
Набрызган мраку емкий ковшик.
Ночной торговли ноют гусли,
Шущуки спален проколовши.
Зызыкнут гзонгом звонари.
Багрея, зреют фонари.
И если голову закину,
Увижу — время с донным звоном
Вращает небосвод Пекина
Торжественный, как свод законов.

Д. В. Р.

На древолом—ударом поездов!
Свистком по зеркалу стальных кулиг рыца.
А вечер сизый сломан и издох.
Таежных пожаров желты глаза,
Где пни орут на древожорных игрищах.
При лампах ужинает древесиной
Смолокур, дымогон, стволохруст,
И пьется воздух—свежая буза,
Насосом уст.

За пожарами сопки
Тычутся в тучи.
За сопками сопки,
Тайгою увьючены.
Падей донья.
Заимок чад.
Хутора чалдоньи
Нахохлясь молчат.
Ветер-разводящий
Несет приказанья.
Кедровые чащи,
Хмурь партизанья.
Перемечены тропки,
Переверстаны дерева,
А за сопками сопки—
За головой голова.
С сопки на сопку штыками, глазами
Кожу России стерегут партизаны.
А чтобы бессонился край возмужалый—
Сапою, сапою в сопках пожары.

ТОННЕЛИ.

Тонули в тоннели — летун, рвач!
Мигдень—мигночь; певуч ковач.
Тоннели тянули черный чехол,
И снова выскакивал снежный хохол.
Свирелями рельс ореян Байкал.
В карманы тоннелей звончей и быстрее вал
В черепе скал зрачки искал,
Железной кобылой горы простреливал.
Багулом и гулом
Перевит паровик.
Норовит ось рычать,
Осерчав.
Верстоглот в колокола галопа
Всколотил подмышками кряжа,
И только на вышках ушами хлопала
Облаков козлиная пряжа.

БАЙКАЛ.

Бокал
Байкала
Бает: бай-бай!
Лосково лыс.
Ласково лузгает гальку.
Бока Байкала—круч короста,
А во весь рост
Блестят берестяные горы.
Байкал лакает голубое.
И лает лаем волн-собак
От веса вод дрожащий бак,
Пока не ввинтит полдень гайку,
И бык-Байкал не хряснет с бою
Кремнебревенчатые сараи,
Кривые губы берегов
Христосуя
Хрустлявым хрусталем рогов.

АНГАРА.

Гора, гора и еще гора.
А над озером—сирени курев.
Беги, улепетывай, лепечи, Ангара,
На скаку глаза зажмурив!
Ангара быстра—
Сабля остра,
До дна
Холодна,
Хрусталю сестра.
Купаться—страх:
Кожу содрать,
Расплескать по кускам,
Кровь нарасхват
Допестра.
Ангара ворует мясо Байкала
И мчит, боками о скалы стукаясь.
Нет ее зубов острее оскала

И зычней, когда звякает студеною злюкою.
Горы обок в хвойных шубах
Зазывают посулами—погоди до утра!
Но из всех на свете ледяных душегубок
Самая вредная—Ангара.

ЕНИСЕЙ.

Клюкой восхода лукнутая криво
Через—стремглавит солнца лапта—
Хомутом облаков перетертый загривок
Станового хребта.
Там младенцы-истоки реки Енисея
Воргулят беспамятно на речушном наречии.
Облака разлеглись в синебах Колизея
На меня поглазеть через рыхлые плечи.
Тут туг приводный ремень Енисея,
По шлифу русла синеет намасленный,
Скользит и не ляскнет, и крутит, и сеет,
Горам перемалывая всхлипы-напраслины.
Волочит Енисей сквозь драные ребра
Своих берегов на океанский голос
Весну к декабрям седым и недобрым,
Зеленые сани поставив на полоз.

ТОБОЛ.

Тобол болотами облатан.
У Тобола весна в волне взболтана.
Сипит змеюкой,
Расстиластится,
Гложет яра краюхи,
Сосет берегов топкое маслице,
Холстом под худущим солнцем белится.
У Тобола подол островьем заплатан,
Что портки земледельца.
Из суглинья желтого
Еле ноги выволакивая,
От крутогорий западных
Идет, половодий суставом скрипя,

Тобол—старичина—лапотник
По неба по лаковые,
Где туши тундр-прабабок
В ожерельи из клюквы
На лишайной перине
Завалены набок,
И на лихое время шипом злюк
Выпечалываются Ледовитой Серебрине.
Качка кочек. Что ни холм, то болячка.
Серы воды. Небо лаптем выхожено.
Сивы веси, а со станций так же тихо же нам
Туяс масла меновует тоболячка.

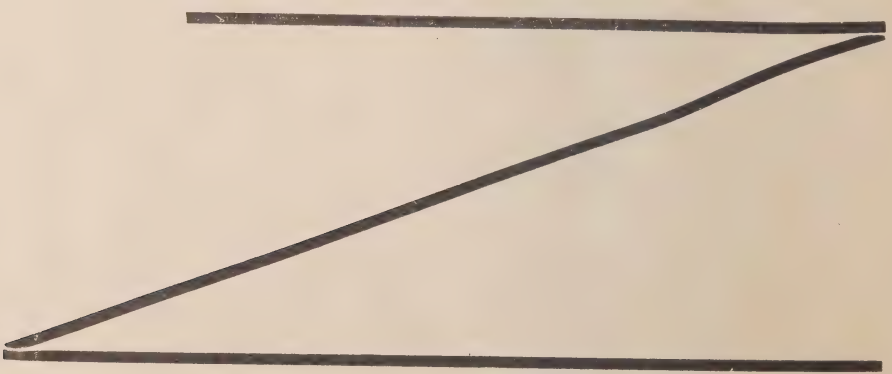
УРАЛ.

Рудая руда.
За плетнем заболочин
Черноногий сосняк
В болото вколочен,
В кочки смяк.
А Россия идет на Урал
На ура.
В паровозном посвисте
Огибая скал парад,
Тужась в тепло свести
Бриллиант в миллиарды карат.
Заводы подняли руки труб—
Нечем голосить,—за хлебом голосуют,
За Россию босую,
За шахты трудный проруб.
Острия еловых копий
Стерегут рудоемкие копи.
А ручей стервенелый зол-то—
Ворует у кремня золото.
Деревья, что перья на коршуне,
А под ними лежат
Цилиндры, рельсы, поршни,
Топор и лезье ножа.
Аль не жаль?
Только ж нажать,
Ахнуть мускулами проломными,
Чтобы в горы дыра.
Чтобы в недра трубы—
И завоет Урал,

Затеплится домнами
Отпластывать горы за прорубом прорубы.
И лицо просветленных старшин
Процветает на изломах уральских вершин,
И каряги, хрустя на пожарищах,
Улыбнутся улыбкой товарища.

ВЯТКА.

В ухе России грязная ватка—
Вятка.
Старая растяпа
С еловым умишком,
Влезла в овраги лапой,
В заборах застряла домишками.
Фефела! Немытое рыло!
Губы развесила, что белье для просушки.
Со сраму ль подолом зеленым закрыла
В старичьем шамкале запах косушки?
С-под подолу река,
Вразвалку разбряка,
Рыжие простыни смяв,
Тужит поромы утлые,
Плечом чешась о город, что боров.
Ай, Вятка!
На закукорки сев, неряха,
Гребенки и шпильки соборов
Втыкает во вшивые кудлы:
«Мы-ста, мол, тоже, не сопля на рогоже!»



ВДИНА

БОЖЕНЬКА.

Боженька! Миленький! Маленький! Малюсенький!..
Сидишь на мизинце...
Боишься? Лихорадит? Какой ты грустненький?
Короче речи слона в зверинце
Над пропаленными и пыльными
Огромный вой—ВОЙНА.
Рокочет сильными
Страна.
Тупой бивень манифеста.
Слезит баба на полустанке.
Боженька! А мне нет места?
И по всему телу колючие ранки.
А по призрачно-тусклым утрам
Роятся шмели телеграмм.
«Спаси господи люди твоя!..»
Разве можешь спасти ты, крохотный?
Видишь, флаг затрясся похотный,
Старушечье небо двоя.
Расплескалось в бумаге внимание
Мокрых тысяч сутулых спин.
Мне не жаль ни нас, ни Германии.
Я один. Ты тоже один?
Боже, боже! Какой ты старенький?
Я ведь молод, как первый снег.
Я люблю, когда пожарники
Едут медно, и звон телег;
Мне нравится платье в полоску
И еще шоколад Сюшар.
Земля мне кажется плоскою,
А ты говоришь—шар?
Зачем ты оскалил бельма?
Ты так мал, так жалок, мал...
Это ты щекотал Вильгельма
И колонны посольства сломал?

Неужели твои писки
В этом каменном клекоте толп?
Смешал водку, абсент, виски,
И заставил рыдать телеграфный столб.
Уползи! Пусть буду один я.
Не хочу, не хочу, не могу!..
Вот идут минуты длинные
Кромсать кровяную згу...
Вот барабаны мерят дороги.
Топот вагонов торопит лязг.
Скоро торопиться. Крики строги.
Ночь прошла предпоследних ласк.
Скоро перетопчут, скоро, скоро.
Быстро перережут в визге пуль.
Топот и копыта в гору, в гору.
Первая шеренга и патруль.
Трепет и тревоги тронут раны.
Сполоснем знамена. Грудь вперед!
Гавани таранами взвили краны.
Кто пойдет—тот умрет.
Я—один. Я ведь мертвый.
По Тверской шуршит манифест.
Узнаю продырявленный взор твой—
Слезовытекший глаз невест.
Слишком много соленой влаги.
Слишком небо, как грязный парш.
Опускаю мокрые флаги
Но зонтами расцветший марш
На дорогах, ведущих к Висле
Потерял я последнюю плоть.
Забыл только сорные мысли
В черноземной душе прополоть.
Потому-то мне непонятно,
Почему кричат и поют,
Почему проступают пятна
В будуарный уют.
И орут, орут паровозы
Ту-ту тууу...
А по липким утрам
Мерзлый вой телеграмм.
Завалить бы теплынью навоза
Травоядную нюню-мечту.
Не тужить. Рук не ломать.
И не знать, что есть виски...
Кто ты там?! Спаси мою мать
От еще не пришедшей тоски.

АТАКА.

Кусаются ружья.
За каждым бугром солдат.
В поле так пусто, как в зале дворцовых палат.
Люди—камни, сырые и неуклюжие.
Может быть, умерли? Может быть, нет их,
В полушубки одетых?
Вдруг это комья земли
Легли
И смертельно иззябли?..
Взмах рук
Вдруг.
Скачок неуклюжий.
Зык сабли.
Лязкнула тысяча ружей.
Рванулись шинели
Под благовест звонкой шрапнели.
Топот. Суконный потоп...
По блеску, крику, знаку
В атаку!
Сердце настежь. В атаку! Упрямо.
В атаку! Все ближе. В атаку!
Лоб расколот... Мама!..
К ружейному звяку
Рвота пушек.
На глину, скользя на штыки
Под пенье свинцовых мушек.
Зрачками в зрачки.
Телом на тело. Ладонью в красное...
Ликованье последнее, страстное,
Звонкое, цепкое, липкое...
Злоба каплет с штыка под сопение шибкое,
Под пудовый удар кулака...
Отходили, упорствуя.
Кусались, клубились в кустарнике.
Стала теплою глина черствая,
Как хлеб из пекарни.
Тепловатым причастьем насытили
Отощавший желудок полей.
И опять каменея
На шершавой ладони земли
Залегли
Победители.

НА ПОЛЕ ПОЛЬШИ.

На поле Польши посеяна озимь.
Взойдет на пасху зерно родимое.
Клянутся вьюги—не заморозим.
Лепечут ливни—не сгноим.
Ничего, что в глине так мало места.
Ничего, что в трауре Рождество...
У одного была мать, у другого—невеста,
А у третьего не было никого.
Старый бог захмелеет на жирных жертвах,
А в мире уже возмужал Другой.
Когда крикнут в церкви—воскресе из мертвых!
Он придет непреложный, простой и нагой.
И выползут те из суглинков Польши,
И сердца свои в пригоршнях к нам принесут,
Потому что лежать не в силах больше,
Потому что радостен Страшный Суд.

ВЕРБЛЮД.

На шали зарева закатного кургана,
На серебре степного блюда—
Молчание верблюда.
Свежо степное ветряное пойло.
Мхом обволок клокастый войлок
Пуды усталого мяса.
По колеям небесного сосуда
Аэролит протрясся.
Верблюд пойдет на утро вязко
Вращать чигирь.
На ироничном рте болтается увязка,
В копытах—гул булыжных гирь.
Верблюд, беги! А то придет погонщик,
Плевком колючим плюнет кнут.
На зареве зари верблюжий выгиб тоньше.
Горбы с курганами обнимутся, уснут.

СЕМЬ БОГОРОДИЦ.

Мне говорил вислогубый уродец:
«Я знаю семь богородиц.
Сахарная сладость—
Всех Скорбящих Радости,
Губы оближешь». И чмокал.

«Богородицу Казанскую
«В каменьях за выблеском стекол,
Важную Иверскую,
Богатую Владимирскую,
Где бабы в родах кричали—
Утоли Моя Печали.
Богородицу безымянную, новую—
В жемчугах барыню узорную,
И еще богородицу, на липовой доске,
Обгорелую, черную,
С этакими белыми глазьями
В кабаке...
Подайте копейку на свечку стеклянную, пьяную
Помолить восьмую, живую, бабу румяную!..
Ах, чорт возьми! Господи боже!..
Стянем боле—купим дороже.
Счастливого пути, барин хороший!..»
И долго шамкал уродец:
«Я знаю семь богородиц...»

В ОКТЯБРЕ.

В октябре есть привкус спирта.
Обведен самый дальний увал.
Твердый лес после летнего флирта
Золотые кольца сковал.
Неподвижна воздуха глыба.
Холод ошеломил поля.
Облако проплывает, как рыба,
Плавниками не шевеля.
У меня румянец тунеядца
И вязаный шарф до ушей.
И хочется вслух рассмеяться
Над серьезью речных голышей.
И воздух дрогнет, как струнка,
Расколется легче стекла,
А легкая, плоская лунка
Продавит озер зеркала.

Ту.

Схватил за крыло на лету.
В два пальца разбойно свищу
Во весь зелен-гай:
Помогай!
Не пущу!
Ее называю—Ту,
И Ту—это значит молодо,
А сердце от волчьего голода
Дергается в поту.
Ее называю—Ту,
И Ту—это значит хитрая.
И все слова на счету,
И слез бубенечных не вытру я.
Ее называю—Ту,
И Ту—это значит ласково.
Эти мягкие крылья в цвету
Ты весной, оперясь, сорвала с кого?
Солнца ли хочешь? На!
Ветра ли волишь? Возьми его!
Это ли не весна
В яблочном запахе грешенья змиева?
Грудь захлебнулась высью расплавленной.
Сердце взошло на востоке и светится.
Весны об'явлены всем северянам.
Крабьим шажком разбежались столетьица.
Горы шагают в море.
Горбы—берега.
Синий цветок цикорий.
Месяц рогат.
Волком ли всплачу, конем ли проржу,
Острые крылья в руке удержу.
А сердце в вишневом цвету
Подрагивает от холода.
Ее называю—Ту,
И Ту—это значит молодо.

НОВОРОЖДЕНЬ.

Из полдня детей выбегают вязки
И кличут тучи итти к венцу.
Я на сердце надену орден подвязки,
Которую с колен ты уронишь, танцуя.

Синей горою взбугрилось небо над...
Целую булыжник, тобою наступленный,
А рот—кольцом, горланит хвалебно,
Что весна за четыре солнца куплена.
Соси же груди кормилиц—земель!
Рот размежи снеговинами смехов!
И жадные дни пусть едят карамель,
С листов календарных на землю с'ехав.

Чур-чура! Чур-меня!
Обернись зеленой веткой!
Назовись травиной-деткой!
По подушкам высей лазь!
Ты ж сегодня родилась.
Трын-трава... Клюнь-вода!
Вырастили хворости мышку-мушку.
Выбелили гибели дом-избушку.
Гибели-колотики сгинуть гонятся,
Словно снова дрязгает конница оконницу.
И... пропали коноводы, лбиной в воду,
капля—сверк...
Это: небо-небывало-преводитель тучу
сверг.
Высвистел ветром, вызвездил букетом
Звезд воздушных синеву весеннюю,
Словно бы в отдушинах нацарапал светом
Приговор созвездиям к вечному висению.

В сейфе сердца песни накапливая,
Дня огнедышащих лилий жди,
Пока от небес лепестят ломкокаплевые
Землю добрящие травяные дожди;
А если небесное заозерье высохнет,
Ты судорогой сердца заменишь его,
Потому что ни в недрах, ни в травах, ни
в высях нет
Ни единого ангела праведней твоего.

ДЕРЕВЬЯ ДРЫГАЮТ.

Деревья дрыгают всеми листочками.
Горы смотрят из синего курева.
От солнца глаза жмуриваю
И делаю все «и» с точками.
Сопки-бараны, лохмато зелены,
Легли и боками дышут сыто.
Каждой душе быть зеленой велено
И скакать во все четыре копыта.
Ветки хрящик перегни!
Пах-пах, в лицо сирень.
Все казачьи курени
Сбили шапки на бекрень,
И, большими пиками
Наклонясь на выручку,
В зелени натыкали
Солнечные дырочки.
Дорогу почеши синим галопом!
Подроби, протри, зачурайся вопом!
По заливу зернится конский храп.
Молотитель цеп туп! Кап!
А солнца поцелуи солоны
Садятся каплями на полуволны,
И лег синее синих слив
На спину брошенный залив,

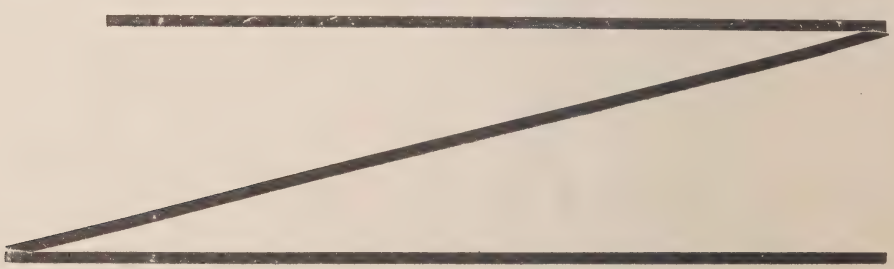
ЯСНЫШ.

Жена — нежноножно.
Друг — ругань.
Любовница — в лоб и ниц.
Не то ты.
Не то ты, а более
Ломоть хлеба, усыпанный солью.
Я подошв о панели края сношу
Идя к любимому
Яснышу.
И вот —

Ясныш везде: в трамваях,
В домах, под'ездах и пиках шпилей,
Звоны пудами даря, отдавая
И просвежая ребра навылет.
Ясныш—отцеженный зной,
Павший из мая на лето.
Ясныш — это казной
Бренчу в груди переналитой.
Ясныш—это иду,
И буду итти, сжатый в кулак.
На моем черепном зеркальном льду
Пламенем ломится ясный флаг.
Пружинь работу — не сгаснешь,
Лишь глаза б до краев налиты.
Не жена, а товарищ—Ясныш
Это солнце—жизнь—ты.

НЕЖЕНЬ ЖЕНЕ.

Томик, налитый прошлым,
Сохами глаз пахать.
Ольге легли к подошвам
Льготные глины стиха.
Ясные явства Яснышу
Я сношу.
И новою ношею шею
Светло одев,
В завтра ступаю и слушаю,
Что говорят две
Прежние
Те ж:
Ясныша ближние нежни
И мятеж.



ОКЕАН

ИЗЮБРЬ.

Балерина-зима дарит прыжок,
Воздуха первый синий ожог,
Первый, цветочный зайчик-снежок.
За лето нож иззубря,
Охотник идет на изюбря
И из лесу, небом богатого,
Вдыхаясь в воздухи двинутые,
За версту чует рогатого
И ноздри его разинутые.
Стынут березы-жемчужины,
Кости хрустят лесовые.
Ноги до дрожи напружены
Сами идут в плясовые.
То ль не слетела с откоса лань?
В белых стволах оборотни чьи?
Двигайтесь, двигайтесь посолонь,
Теплые ноги охотничьи.
Вечер солнце спрятал за пазуху.
Лес будто заводь синяя, сумная.
Остановился. Лоб вытер насухо.
Ишь, не дается — животная умная!
Где-то рогатит, вблизь не подпустит;
Ноздри раскручены, копыта раздвоены.
Взяли охотника цепкие грусти,
Хочет охотник теплой убоины.
Ноги сам-друг дрожат.
Без крови нож зажат.
Звезды-сестренки, посетуйте —
Нету изюбря-то, нетути.

КИТОБОИ.

Опахало сполохов полыхало.
Океанские поршни пыхали.
Вывеска звезд:
«Ледяных дел мастерская».
Брызглые пальмы китовых дыхалец.
Выхолятся жиры под живыми курганами.
Склад серебра.
Бракосочетание—брак косой и сочной
четы тюленей.
Ледяные поля кружев изорванней.
Марши басами поют босые моржи на ледяном
клиросе.
Голод не тетка!
Гарпунья метка
Поет о ворвани.
Из какого зерна на стеклянных десятинах
Гололицые выросли,
Скользя гололедицей,
Карягой криков тишину царапая?
Зачем из моржей кумачи в снег?
За что раскололись тихие?
Чего чужие хотят?
И под ласты толстые китихи
Ласково ховают китят.
Ломая ледяную мебель,
Истошным карьером по темной столовой
Полярной квартиры...
Палят мортиры
Мерзлого пола.
Плачут тюлени, телами сдыхая;
Дохохатываются белолицые до голубой
звезды.
И дышат сполохи, полыхая.

МОРЕ.

Утюги пароходов огладили море,
Глыбами дыма день обглодали,
Измазали:
Трубочист, а не день —
Синяя сажень
В плечах.
Восходил, во весь лоб светился
И этак зачах,
Оскелетился.
Мачты иглее, чем колики,
В богово логово вколоты,
А руки плескуньи-Ольки
Золоты, ой как золоты!

Соленая горечь
С грустным хрустом напраслин
Треплется
В дали.
Мыльным вскипом затеплится,
Сколыбелится в синие ясли.
В сарафаны вомлеть куполами плеч,
В сарафаны цветных берегов залечь.
Эва! Там-вон! Видали?
Где паруса лампочка теплится.

Озоруй, озоруй, ветер-треплево!
Вымпела затепливай!
Тонкокостых мачт
Соски закачай!
Парусов битюжье, что ли, бросить
В синий нескончай,
В моря мужичью проседь?
Звенят по морскому сраженью
Волн звонки.
Под плавкой саженью—
Рыб огоньки.
Под стекломким аршином
Немые наваги.
Корабельным вершинам
Чертыхаются флаги.
Ну и день! Ну и яр же!
Пивом льется в кувшин
Распухающей баржи.

Загитарили снасти-струны
У стремглавки-шхуны
И даже тетки-шаланды
Ждут ветровой команды:
Раз! Два! и... и... три!
Гори!
Не жалеть шпор!
На горизонт скопом!
Во весь опор
Волн галопом!
Паруса куполами несут пузыри.
То плывут и красуются сами,
Отмечая дорогу водяными усами,
Подмосковные белые монастыри.
Их море чует;
Пронеси! Борони!
А ветер корчует
Волн пни.

БЕЛЫЙ МЕДВЕДЬ.

Белый медведь плывет на льдине.
Лед поет. Океан урчит.
Вода — не вода — пестроперье скворчих,
Да белые клювы, налитые щебетом.
А там, куда жмуриться, в небе там
Солнце — вселенская дыня —
Вывесило плакат;
«Жарю.
Туман подымаю.
Спекаю».
Тявкает волн целина.
Из льдины вода вытаивает.
Шерсть очерствела, а солнце льна
Водонебого синь раскручивает.
Льдина качается хрустальным маятником.
Мается белый — в глазах кровавое горе:
Смешно ж в океанскую прорву соленый плач!
Четверолапый, достой! Скоро доедем.
Стал на площадке моря
Белый медведь на льдине памятником
Всем одиноким медведям,
Ставшим ручней водовозных кляч.

ТОРОС.

Затрясся на море торос.
Еще раз
Поцелуем сплеснулись уста.
Уста ли
Устали
Сцепляться?
Губы ль
На убыль
Уже и уже?
И уже белогубое горе
Шуршит сухостоем зубов,
И заржавленный зык
Из гортани
Полез на язык
Душегубых восстаний.
На лоб океана —
Картуз:
Надвигается торос
Оскален и тускл.
Океан ледовит.
У него отросли снеговые копыта,
Ледяные клыки.
Сжались туч кулаки.
За спиной мерный дых следопыта.
Океан — револют,
Ревом лют.
Он пельменем глонет в мокрый люк
Карбас
Со скарбом
И с нами
И зачавкает мерзлыми снами.
Наседает с простора торос.
Слышь!
Он сигает с шипящих лыж.
Торопись!
Торос встал во весь рост.
Торос пеной оброс.
Торос в доски вопнул ножевые рога.
Океана взлетел указательный палец.
Ага!
Попались!..

ГРОЗА.

(Словострунь).

Пепел — платье полей.
По полету птах
Косо стелется кволый скелет тополей.
Вопли птах.
Лоб — плита.
Хошь капли!
В кислый ком.
Языком
Муть томит.
Тьма не темя!
Ать-два! Ать-два!
Дзз...
Языками, взалкав, залакала листва.
Ветер — тетерев
Встоковал от востока.

Ветер сипким смычком
Разрезает корзину земли.
Ветер стервой рванул,
Посинел, засосал,
Зазвончал и начал
Раз—раз—раз
Раскачивать туч качели.
Врыв — и щель.
Вкрутъ — и щек
Щекот еще.
Щади! Дирижер!
Рев ущемился в морщинах ущура очей.
Толкачат кирпичи.
Растараща шатнули чрез рощи.
Тучи морщат и рыщут
В разрыве узды древяной.
Бич! Продрог.
Зыч! Ощерьсь!
В градобойную пасть,
Чтобы рокот и гром —
Ветрогон — аргамак,
Небо — негр, в пасть упасть
Мог.
То рокот расчерчен зарницей.
Ниц
В гроб!..
Перелил. Протопил.
Струйны полосы
Ленивых песков.
Плавники последних всплесков
Уплывают в полынь.
Полуда полудня
Линяет на длинном небе.
Стеклянные зерна на хлебе.
Теплыни мантия ныне,
Льну позвольная льнуть,
Лебезит в зеленя.
Ланью
Молонья.
Излелеян
Оленем клен обленился,
Диваны полян зеленя...
Полдень — желтень!
Чивилей ручьевых птицелей
Олелей!

ПОЖАР.

Звенит
Зенит
Растопленными каплями,
А тополь каланчи
Язычно клянчит воплями:
Дома пошли на топливо!
Жгень! Огонь же, жгень!
Жгутами дым
Клубы на балки вымотал.
Толпа
Пальто.
Надорванный губой карниз—
Плюнь пламенем
Наверх и вниз;
А камень нем.
Немак.
До неба мак.
Пожара дрожь—
Гамак.
Листает челюсти
Чавкун пожар.
Толпа шевелится,
Огню чужа,
Сопит тужа
Зевотой огненной.
Колени дрогнут,
Просыплют скарб.
Убой! Убой!
А небо — лен.
Он бьет наотмашь по любой
Харе.
Он о-скорб-лен.
Свистит по комнатам.
Цветет в гостиных.
Ему цвести
На креслах весело и томно.
Оранжев стиль
Орангутангий.
Не взвиться на ноги.
Гардин удушья не поднять.
На подоконники свисая:

Ликуй, Исайя!
И триста тысяч языков
Всем, всем.
Ах, звезды, дальняя родня!
До дня
Далёко.
На глыбы облаков присел
Пожарий клекот.
Расцеловавый изразцы,
Нажай резцы.
Они наглы
И перекусывают булки
Стропильной балки,
И хвастают хвостами белки
И лупят жаркие белки.
Лежи на облаке тюленем
Розовым.
Пожарьей лени
Мерцальна поза.
Вей за клубочками клубочек,
И воду, милую сестру,
Глотай шипя из груды бочек
Трескливой сельтерскою струй,
Пока...
Пока не ввалятся бока
Обритых брусьев.
И в корчах мри
Под сбруей бревен.
Кряхтя простукай деревяшкой
С безногой грустью
И черной мордой —
С ног
В снег,
Шипя,
Под бочкой.
Порхая бабочкою
Гасни.
Копыта толпы
Дотопчут
Трупы
Бревен.
Тупы
Брови
И лица.

Он более не шевелится.

КЛОПОЭМА.

Вставшие дыбом плацы
Стен под клопиною рысью.
Кошкам врасплющь расстилаться
Нюхая нору крысью,
Будто девица цветочек,
Ночью.
Клопьих позиций колючие точки.
Клопьей атаки шприцы праваца.
Впору слезиться, взвыть, взорваться...
А, что клопу поэтские строчки?
И чем клопа ожечь, как не свечкой,
Качающей щучий язык?
Поминая Клопштока и Клопс
И Глобус,
Хватаюсь за гуж —
Жгу.
Как лопаться ловок клоп
По швам в раздутом покрое!
И налито клопье стекло
Глотками моей же крови.
Хвастай, будто родня,
Единокровьем кичась,
Пока белоглазого дня
Качнется причесанный час.
Тогда не ты — голопыт
Убогий и пододеяльный,
А будут иные клопы
Двуногие и идеальные,
Лопающие и не
Лопающиеся.
Но только «Молчи, грусть, молчи!»
Не будет свечи.

ANH

РЕБЯЧЬИ СЧИТАЛКИ.

Первенчики, другенчики
Летали голубенчики.

Этак, так по турьим турам
Стал Ванюша штукатуром.
С лестниц песни целый день.
Вышел шишел телепень.

В полено колено.
Споткнулась Елена.
В поле сидим.
По лесу дым.
Ночью свищем.
Утром сыщем.
Угори!
Раз, два, три!

Белочки, сосенки, белые палочки.
Гоня-погоня погожей Наталочки.
Вылезем селезень, пали дожди.
Малая-шалая, вон выходи!

НОЖНИЦЫ.

Стрекозы над прудом, а солнце жарит.
Люди в белых балахонах,
А из зеркал на них.
Два конца, два кольца.
Материя хрюкнула.
Ловко.

ПЕРВОСНЕГ.

Город в нижнем белье.
Мелки положены на подоконники.
Хрупкие листья червонцами на горностаевое
боа.
Коньки на шкафу зазвякали.
Голубь извне к стеклу жмется,
А глаза у него морозно-оранжевые.

СПИЧЕЧНАЯ КОРОБКА.

Короткая, далекая припрыжка барабанов,
А на столе знакомы чернильница, перо.
И груша электричества облила белым туманом.
И гробик канареечный и дымку-бандероль.

АЭРОПЛАН.

Жук.
Вдаль.
Хлоп
Внезап.
Крыль
Вихрь
В звук.

Вьюг
Жаль?
Стоп!
Внезап.
Были.
Стихли,
Стук.

АВТОПОРТРЕТ.

Стол врос в грудь.
Четыреугольник.
Знай! Пиши! Будь!
Четыреугольник.
Кругл глаз дня.
Параллелепипед.
Тем жмет льня...
Чай выпит.

МЫ СТРОИМ.

Мы строим клетчатый, бетонный остов.
С паучьей ловкостью сплетаем рельсы.
Усните слабые в земле погостов,
И око сильного взглянуть осмелься.
Мы стекла льдистые отлили окнам.
В земле и в воздухе мы тянем провод.
Здесь дым спиралится девичьим локоном.
Быть островзглядными — наш первый довод.
Нам день сегодняшний, а вам вчерашний.
Нам своеволие — момент момента.
Мы режем лопасти, взвиваем башни.
Под нами нервная стальная лента.
Швыряем на землю былые вычески.
Бугристый череп наш на гребне мига.
Нам будет музыкой звяк металлический,
А капельмейстером — хотенье сдвига.
В висках обтянутых — толчки артерий...
Инстинкт движения... Скрутились спицы...
Все ритмы вдребезги... И настежь двери.
И настоящее уже лишь снится.

ФАБРИКА.

Верть колес, осей; гармонизация аккорда.
Дуговой фонарь лунит у стены.
Я пришел из клеточек и созвездий города.
На мне кепка и сальные штаны.
Брошу в оси вопросы и росчерки.
Здесь каждый фонарь изумительно желт.
Траурны на телегах ломовые возчики,
А оттуда не пускает железный болт.
Там спички в пачки, доски потрескивают,
Ремни мнутся на лясканьи колес,
И плачут котлы, пламенем поблескивая,
Плотными каплями нефтяных слез.
А вечером выйдут закопченые на берег,
И, сплевывая в воду, закачаются домой,
А с той стороны созвездья двоюродных фабрик
Пробрильянтят воду златорваной бахромой.

개념미술

ПЕРЕКЛИЧЬ.

Какой двиганул рычаг,
И как понес подыматься того,
Кто пять медных лет прорычал
С девятьсот семнадцатого?

* *

Красиво! На редкость красиво:
Копытами на ветер вскинутыми
Грузовики городов
Аэропланами многовинтными
Над перепелиною перепелкой годов.
Видел. Сжигался. Сомлел до не знаю чего —
До предсмертного крика заячьего,
До стрельбы перекаченных шин
За это «красиво»,
За себя—«на аршин над вершинами»—
Спасибо.

* *

Налили песней мозг. Вспух.
Налили шагом ноги. Шел.
Очи винтовок. А где испуг?
Небо сплошной нагишом шелк.
В кровь подсыпают пороху.

Сердце забило горохом.
Перестуками, перебоями
Людям доклад торопило:
Полдень-динь-дон борьбой мил.
Струньте стремглав стропила.

* *

Обруч радости прёт
На головы растреп.
И рокотом руха наглого
Ухо засыпано наглухо.
— Держись! Эй-там! Цепче!
Мадам, потеряете чепчик!
Дядя, пузо-то, пузо-то!
Догоняй!
Веселое пузо, как музыка
Для севших на танец коня.
Небо—попом,
Рясофорным быком
По комнатам,
Яростью разворочено.
Завонял волос
Матрацов.
Ракетой голос
— Драться?
Ну что ж!
Засучу рукава я.
Играй полковая
Под пляшущий нож.
Я—поэт. Ничего кроме пера я...
Стихом распирая,
Вскалывал строф чугунный жом,
А теперь—с ножом?
Пусть.
Не я виноват, что наспех.
Красные Волги хлыньте устьем
В ходуном закричавший чудовище-Каспий.

* *

Депутаты гнева ломали пюпитры.
Порядок отмахал последнюю руку.
Тише там! Тише там!
Канарейкой трещали на улицах трупы.
Окнам—плюгавых сомнений выпрыг.
А на плакате плацдармов, командою вышитом,
Лихорадь немигающих пальцев
Прутом каленым

Протоколила:
На ветер — тело!
На люди — душу!
На смерть — стремь!
Вдребезги—Я!
И летели, метелью мотали
Вы... Мы... Ты...
Дабы были дали
Вымыты.

* *

Много надо. Поберегись!
Пади! Пади! Дорогу! Коловорот.
Надолбы душ перетереть.
С берега на берег переперетъ.
Коробы, ну, перетряхивай!
В вилья, в колья, бородачи!
Рукавицей огрей, отмахивай.
Перерычи
Кочанов коченелых на плахе вой...
Вырастили коростелей:
Коней погони! Каблук в ребро!
Вырастили коростелей:
Красные клювы, крик—серебро.
Молод, молод умолот.
Нов, нов коновод.
Паводок на водопад —
Крыть кого?
Русь — река, русь—рука, русь—кровь.
Горло панское
Горлопанствуя
Раскрои!
Грянь, грянь на шарап!
Ночь черней чем арап.
Никому из мужичьих лап.
У погрома лицо угрюмо.
Никому в мужиковскую думу.
У пожара щека—удар.
Угадай, что в бородах.

* *

Не хочу, кричу и тоскую,
Будто в половодь унесло,
В уши обрушив мастерскую
Паровых и зубчатых слов.
Рамой ресниц оцеплен
Мятеж растравил горизонт.
Потому и глаза ослепли
От танцующих сотен солнц,

В рыке рябого погромщика
Выломаны вилами кости.
Клюкву доит под багром щека.
А-га-га! Погости на погосте.
Кровопуска и недоеда
Ворвань в жилах мазко и липко.
Страшно в зеркало—вдруг людоеда
Оскалит клыками улыбка.
Наложили хныками доверху
Мешок провиантский—бегай!
И вот по асфальтному коврику
Семенит полудохлое «Эго».
Мотали, качали в столбах
Канделябром под перекладиной,
А язык на протухлых губах
Багровел декламаторской ссадиной.
Сколько раз свою память водил на допрос
И в беспамятстве выволакивал.
Птицеглазое детство—к стенке.
Любви перебил золотые коленки.
В крышу черепа рос.
Головою вола кивал,
Лбом встречал обух.
Не кричал.
Дох...
Солнце вошло. Выжгло.
Рукопожатия ладонь протерли.
Радости медное дышло —
Пробоину в звонком горле.
Кулаком мятежа да не выжать
Человечьего мяса сочь.
Разве возможно выжить,
Если солнцем давится ночь?
Порыжел, разошелся ржавчиной.
Самосудами взорван на воздух.
Я—земля. Я—в земле, а завчера
Я был горластым и взрослым.
Некуда больше. Лежи!
Не о чем дальше. Сочись!
А там наверху мятежи
Без тебя пролетят и очистят.
Был и не стал. Кричал и замолк.
Кто отпоет? Паровоз или волк?
От восхода к закату
Хорони белена...

* *

Это меня? Меня то?
Вьюна?

Бросьте!
Обрадовались.
Пересыпаете кислые кости.
Мычите вечную память.
Да ведь я это только со злости.
Врал, излыгался вдрызг
Будто умер от красных брызг,
От расколотых надвое душ.
Музыка! Туш!
Да ведь я, глядите, живу,
Живу же!
И буду.
Ха!

II.

ПУТЕШЕСТВИЕ СТРАНАМИ СЛОВ.

!Глаза!
Закры- -те
вай!..
Карамора—комар.
Кара морока—Мара.
Заневель, незаволь колокольчиком.
Пылью поль.
Рылью роль
Голуба.
Луба король.
Рыщь. Свищ. В небе дали.
Не беда ли?
По болотам тем хвощ.
В сини ветер вертит свищ.
Урча-вода подкорень.
Пни...
Приезжаем в—УАН.
— Выходи Садуан!
Паука укапав павлинышем.
Остроцерквый Руан.
Садуан!
— Господин продает Перу Англии,
Туарегам—Луару.
Жимолость ластясь тесьмой вела
В короб обруч ручья.
Завывать, вызывать
—вать зави—

Завываю, встав на пуант:
— Садуан!!.
— Отлетел в Ассуан.

* *

Горе. Наволк Иванца!
Не пролбить столбичей.
Не прорвать вервичей.
Деревянные дервиши.
Ввержь их, жих...
Чу—
жих.
Чу—
сова.
Чу—
чело.
Чу—
до.
Чу—
й.
Чую.
Опять
Укочую
Вспять.
По лбу полей
Метя матерземую полбу...

* *

Надоскано углем **РША.**
В стране шрамов ерши-брови,
Ножи и жилы
Обнажены.
По паршивой земле
Рыщет щур
Марш маршем.
Высунь, шаршавый маршал,
Жезл из ранца.
Жезл—это же—зло
Жезл—это жечь
Это ж—рать
Это—жрать
Это—кровь, креп, крюк
И клык.
Шурша поползли
Злить
Поршни ржавых сердец.
Псов борзых
Улюлю! Улюлю!
Налил бор зык—

К ружью, к дреколью!
Кровью нальют
Глаз
Как рыбой вершу.
Слушаться старших!
Трава—шу-шу-шу...
Молчать!
Шерш!
Ножи—шу-шу-шу.
Смерчь—шум.
Корчь—шут.
Урчат Р Ш И.
На карачки стали,
Торчками пнятся.
Шип как шелк.
Шлык как штык.
Вон, Волк!
Гони в огни!

* *

ГН.
Гнедые кони, шею гните,
Гоня в огни.
Гон гори гор!
Гоньба—гонь-гонь,
Гульба—гуль-гуль,
Плыви плескунья вплавь!
Галоп огорлань гор гортань.
В выси вися,
Горлодер до орла
Доори в облаковый парламент!
Костров острова
Вейся дым оплывать,
Чтобы шибче плевать
Навострились дрова.
Дале,—пуча болота
Тулупом липучим,
Вонючие огни гниют
Мяс разлага̀.
Гной,
Гнида,
Гнет,
Гнус.
И плющится торфа магний,
И блестит антрацитовый гений.
Нагнетатель цилиндров,
Электричискру выдрав
Из недр.
В ветр.

И заогнится гнев,
И разогнется гнейс.
Надо же гнать, гнать, гнать, гнать
Воды, груды, орды, плоды;
Надо же знать, злить, гнуть
Рельсопрокат, словонабат...

* *

Серый волчоночко!
Больно глазам.
Неси к синеве весени!
Прохромай до фестончиков «**Лю**» ты
От огневых и гневных и лютых.

* *

Аль губ.
Бель—скаль.
Синелен—глядь.
Людородный люк
Пизз...
Лелелеля-прочь!
Лододейный лом
Ху...
Лль... спрячь!
Али лесом лелейку пробили
Любобелые гонобобели?
Али любо ласкать,
Лепетать, оплетать?
Близь. Белье.
Плен и пляс.
А подолы листов намели.
И даль на мели.
Лени лиман
Уманил имена,
За малиной умял
Тра—ха—ву.

Точка.
Тучка.
Течка:
Тычек и течет.
Так точно.

Иванца. Солнце в венце.
Дотянись!
В коленцах Иванца танцуй
Молодцом.
Стон цимбал.
Иванца жги!
Танцы, бал.

Кубарем бряк!
Брехунцом бубенца
Добряцай до конца
Иванца!

* *

Лапай дороги волк очумелый!
Пылью пли
По плитам, торцам, минаретам!
Сердце держи, разорвется о рёбра.
Летим, свистим, лихорадим, орем брат.
Пыль городов на вкус кисла.
Плечи домов кожу рванули.
Вот я без кожи, красный, свежий
Купоросом воздуха с'еден.
Сквозь комнат пещеры,
Сквозь фосфор мозгов,
Сквозь улиц ущелья—
В опор, вразгон!
Пулей дырявим комодов слежаль,
Гардеробов тихие виселицы.
Воздух за глотку! Дрожа визжать.
А мысли—жонглеры, а мысли—цирк.
У волка копыта о тропы тупятся.
В буфетах звенят озвездьями блюдца,
А голый язык на ветер распластан,
И слюни по топоту потом льются.
Не потом, а желтью жолчи
Язык волочится волчий,
Язык волочится немой—
Волчий и мой.
На взверть!
На взвизг!
Смерть?
Жизнь!

III.

ДУШЕГИБ.

С запада	дуй...	дуй...	иду.	
С востока	вей...	вей...	иду.	
Солнцем	стань	день...	иду.	
Дном....	иду...	стынь...	иду...	ночь.
Перетопил	гон	вод	даль	дней.
Похоронил	стон	плач	кладь	мук

Я ль перенесу? Нет?
Боль перегорит в дым.
Да. Не торопись. Колокола.
Мать! Похоронил. вой зим в трюм рам.
Мать! Колокола там бьют там — там.
Склон глины слизь ям.
Стон гонит темь в дом.
На поклон иду горе положить...
Венок у ног ты же дала мне жить.
Оборони там.
Убереги шаг.
Благослови мать
День
мой,
зной
мой,
май
мой...
Иду.

Истомилась, грустью истекла
Сама как осень из стекла.
А память—муха,
Жужжалка.
О детях мука.
Рожденных, жалко.
Руки ветвей на юру гни:
Где-то сквозь драки и гульбы,
Хоть в переплеске ругани
Мать свою, мать помянули бы.
Сломалась и моя. Зарылась в поля.
Закопанных людей не выращивает земля.
Нет людей, которые озимь,
И которые яровыми хлебами ожили.
И брата— мальченку Олега,
Хрустнув костью отцовского горя,
Переехала революции тяжелая телега,
Громыхая по каменным ухабам истории.
Пальцы затянуть узлом кулака.
В голос злобы острые ости.
Кого оплеухой по щекам оплескать?
Кому плевок заляскавшей злости?
Ее ли большую, красную от боли,
Свернувшую меня баранком в нуль—
Россию с кровяной пятерней на подоле
Прокляну ль?
Нет! Рука не хляснет.

Язык не отщелкает мать,
Потому что проступит Ясныш
Сквозь промытые ею дома.
Поломойкою ёрзая по полу,
Кумачи изгваздав вдрызг,
Сколько смяла цыплят и ухлопала
Древогрызых шипящих крыс?!
Чтобы стало просторно и чисто
Для годов, побежавших неистово...

Врете! Мать не закопана.
Вот она мечется,
Волос разлохматив копны,
Остря старушечьи локти,
Выпустив хваткие когти,
Ревя полоумно,—
Швыряется на Перекоп она,
Вгрызается зубом в Батум она,
Изглоданной Русью светится
Мать—земля—человечица.
А эти, идущие лихо,
Берущие города.
А эта, мычавая тихо,
Поволжская голодань!—
Сквозь колонны бойцов.
Сквозь обозы калек
Брат—Олег.

* *

Братья по молоту и топкам,
Братья по голоду и сопкам,
Здравствуйте!
Не в поклоне рабском
Ломя поясницу,
А с братьями взапуски
Туда,—где снится,
Марш!—
Строем, сомкнутым строем,
Радость в радость ввинтив,
Строим, строим, строим
Аэроплан, локомотив.
Есть ли острее дрожи,
С сердца сорвав засов,
Бросить себя, как дрожжи,
В гуд родных голосов?
Имя свое и полымя,
Руки, сердце, глаза...

Братья, идем веселыми
Дым на трубы вязать...

* *

На бахче Советской России
Урожай на сочные головы.
Семя людей оросили
Жил разожженные жолобы.
Глаз кровоналитый зорок,
Рук перегреты мышцы,
Потому—сквозь листанье конторок
Посвист вчерашний слышится.
Потому—на выбитом дочиста
Строить вокзалы хочется;
Потому—в сиренах портов
Воют пророчества
Будущь целующих ртов.

* *

Донкихот!
Слизью ран
Тормозишь
Колесо!
Дымоход.
Маховик.
Кран.
Пылесос.
Сталь.
Никкель.
Медь.
Сердцебиенье котлов.
Надо уметь.
Будет светло.

Ш—а—гом!..

* *

Вырывай! да дабы не просечь
Корневища щавеля копытами.
В утре травы верещат.
В ветре трубы бородаты.
В поле, полы полоща,
На часах берез солдаты.
Город крой—край—крут
впереди.
Небо сей—синь—сон
потолок.
А кого в сливы слов нарядить?
А кого крюк—крик поволок?
Город—люди: делюсь на ломти.
Город—порох: хлопаюсь всколь.

Город—мастер: машины громьте!
Городу грузь трюм голь:—
Бабам—бетонные юбки,
Детям—динамо на юлки,
Старухам—булыжное просо,
Новорожденным—соски насосов...
Лягу ль гулять глазами
По небу в синем азяме,
Где наплелась белизна—
Видеть и знать:
Не облака,
А «Облаком».
Не страх, что ночью топчется,
А «Страховое общество»;
И не надсоний транс портних,
А союз «Транспортник»,
Не небеса, где синь дика,
А «Стальной Синдикат».

Выверены шаги, а не хлип шуги.
Сердце мотор, алая нефть.
Что душегуб? Если встал душегиб.
Разве магнето гнет гнев?
В лязге стропил струпы ста пил.
Топоту молота лезть ли кобыле?
Если и был вихорь в степи,—
Тракторы вихрь храпя забыли.
Скальте, заводы, зубы жевать
Дерево, мясо, железо, камень!
Наша голова дыма рыжеватей,
Губы развернуты врозь резаками.
И только
Спя или спятив:
Поля... перелески... лень...
Пока на шкивы не накатит
Ремень
Трудач—завтрашний день.
И окличь его чиста:

Все по местам?!

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

I. Основное.

1. 1-ое мая 5
2. Марш Плакат 7
3. Живым 8
4. Р. К. С. М. 10
5. Рыд Матерный 11
6. Воскресник 15
7. Молодежи 18
8. Боец 19
9. Восстание Утр 20
10. Первомайская Песня 21
11. Предостережение 22
12. Октябревичам 24
13. Сибгород 26
14. Маёвка 28
15. Фронт 29
16. Наша Земля 31
17. 4—5 Апреля 33
18. Мятеж 34
19. Кочегар 36
20. Траурный Марш 38

II. Путь.

1. Ночь. Пекин 41
2. Д. В. Р. . . . . —
3. Тоннели 42
4. Байкал 43
5. Ангара . . . . . —
6. Енисей 44
7. Тобол . . . . . —
8. Урал 45
9. Вятка 46

III. Война.

1. Боженька 49
2. Атака 51
3. На Поле Польши 52

Стр.

IV. Ль.

1. Верблюд 55
2. Семь богородиц . . . . . —
3. В октябре 56
4. Ту 57
5. Новорождень 58
6. Деревья дрыгают 59
7. Ясныш . . . . . —
8. Нежень Жене 60

V. У Океана.

1. Изюбрь 63
2. Китобои 64
3. Море 65
4. Белый Медведь 66
5. Торос 67
6. Гроза 68
7. Пожар 70
8. Клопоэма 72

VI. Рань.

1. Ребячьи считалки 75
2. Ножницы . . . . . —
3. Первоснег 76
4. Спичечная коробка . . . . . —
5. Аэроплан . . . . . —
6. Автопортрет 77
7. Мы строим . . . . . —
8. Фабрика 78

VII. 17 — 19 — 21.

Поэма 79

ЛЕФ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА
1924